

ВЕЛИКИЕ
ЖЕНЩИНЫ
В ИСТОРИИ

КНИГИ
ФИЛИППЫ ГРЕГОРИ

•
Еще одна из рода Болейн

•
Наследство рода Болейн

•
Вечная принцесса

•
Рассмешить королеву.
Роман о Марии и Елизавете Тюдор

•
Любовник королевы

•
Земные радости

•
Земля надежды

ФИЛИППА ГРЕГОРИ

РАССМЕШИТЬ КОРОЛЕВУ

РОМАН
О МАРИИ И ЕЛИЗАВЕТЕ ТЮДОР

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Г 79

Philippa Gregory
Originally published in the English language
by HarperCollins Publishers Ltd. under the title:
THE QUEEN'S FOOL
Copyright © Philippa Gregory Ltd 2004
All rights reserved

Перевод с английского Игоря Иванова
Серийное оформление и оформление обложки
Ильи Кучмы

Ранее книга издавалась под названием «Рассместить королеву».

Грегори Ф.

Г 79 Рассместить королеву : Роман о Марии и Елизавете Тюдор / Филиппа Грегори ; пер. с англ. И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 640 с. — (Великие женщины в истории).

ISBN 978-5-389-19356-7

Англия. 1553 год. Юный король Эдуард смертельно болен, и странной практически правит герцог Нортумберлендский, желающий возвести на трон своего старшего сына.

Четырнадцатилетняя Ханна Грин и ее отец, бежавшие от инквизиции Испании, пытаются наладить свою жизнь в Лондоне. Случайно девушка знакомится с красивым и харизматичным Робертом Дадли, младшим сыном герцога. Узнав, что Ханна обладает способностью предвидеть будущее, Роберт устраивает ее шутихой в свиту короля и заставляет шпионить в пользу семьи Дадли. Затем Ханна играет те же роли при дворе королевы Марии, а потом и принцессы Елизаветы. Под угрозой обвинения в ереси, измене и колдовстве Ханна должна выбирать между безопасной жизнью простого человека и опасными интригами королевской семьи, которые неразрывно связаны с ее собственными стремлениями и желаниями.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© И. Б. Иванов, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19356-7

Посвящается Энтони

ЛЕТО 1548 ГОДА

По саду, залитому солнцем, весело смеясь, бегала девочка-подросток, раскрасневшаяся и возбужденная игрой. Она убегала от своего отчима, но не настолько проворно, чтобы тот не мог ее поймать. Ее мачеха сидела в беседке, увитой бутонами мелких сиреневатых роз, и время от времени поглядывала на четырнадцатилетнюю девочку и мужчину приятной внешности. Шалунья то пряталась от него за толстыми стволами деревьев, то выбегала на мягкую лужайку. Девочку мачеха растила, как свою дочь, а мужчину много лет любила и обожала. Сейчас она была настроена видеть в них обоих только хорошее.

Мужчина сумел поймать девочку, ухватившись за подол ее развевающегося платья.

— Это обман! — сказал он.

Его смуглое лицо почти касалось ее раскрасневшихся щек.

Что на самом деле было обманом — знали они оба. Девочка со скоростью ртути выскользнула из его рук и отбежала к дальнему краю декоративного фонтана с широкой круглой чашей. В воде лениво плескались жирные карпы. Там же отражалось возбужденное беготней лицо Елизаветы. Она подалась вперед, желая еще сильнее раздражить своего партнера по игре.

— Не поймаешь, не поймаешь! — смеялась она.

— А вот и поймаю!

Она наклонилась пониже, чтобы в квадратном вырезе платья ему были видны ее маленькие груди. Она чувствовала, как его глаза буквально приклеились к ней, отчего ее щеки стали еще краснее. Вскоре у нее густо покраснела и вся шея.

— Поймать тебя — проще простого. Стоит мне только захотеть, — сказал мужчина, подразумевая другую игру, кончавшуюся постельными утехами.

— Ну так лови! — засмеялась она, сама толком не зная, к чему склоняет мужчину.

Зато она знала: ей хотелось слышать мягкий топот его ног, бегущих за ней, хотелось ощущать его протянутые руки, готовые ее схватить. Но более всего ей хотелось почувствовать, как эти руки обнимут ее и прижмут к его удивительному телу. Ее щеки жаждали царапающего соприкосновения с его расшитым камзолом, а ее бедра — соприкосновения с его бедрами.

Елизавета ойкнула и понеслась по тисовой аллее туда, где сад Челси спускался к реке. Королева, наблюдавшая за игрой из беседки, подняла голову от своего шитья и вновь улыбнулась, видя, как мелькает между деревьями платье ее любимой падчерицы. Красавец-муж королевы так и не мог догнать эту юркую девчонку. Королева вновь склонилась над шитьем и уже не видела, что ее муж все-таки поймал Елизавету, но с другой, невидимой стороны ствола. Там он прижал девочку к красной ломкой коре дерева и поднес ладонь к ее полуоткрытому рту.

Глаза Елизаветы ярко горели от волнения, но она и не думала отбиваться. Сообразив, что она не станет кричать, он убрал руку и наклонился.

Губы Елизаветы ощутили, как по ним, словно жесткой кистью, прошлись его усы. Она вдохнула терпкий запах его волос и кожи, закрыла глаза, откинула голову и подставила его губам свои губы, шею и грудь. Когда его острые зубы слегка закусили ее кожу, она перестала быть озорной смеющейся девчонкой и превратилась в юную женщину, охваченную жаром первого желания.

Он осторожно переместил руку с ее талии вверх по корсажу платья — туда, где его пальцы могли проникнуть под ткань и коснуться грудей. Ее сосок мгновенно отвердел и напрягся. Он стал ласкать ей сосок. Елизавета замурлыкала от удовольствия, а он засмеялся предсказуемости женских желаний, однако спрятал этот смех глубоко внутри.

Елизавета прижалась к нему всем телом, чувствуя, как в ответ его нога проталкивается между ее ног. Ей стало ужасно любопытно: а что же будет дальше? Она давно хотела об этом узнать.

Но ее партнер по невинной игре в догонялки почему-то отпрянул и опустил руки. Тогда она сама обняла его и притянула к себе. Елизавета не столько увидела, сколько почувствовала довольную улыбку Томаса Сеймура. Ему нравилось, что она сознавала себя виноватой. Потом его язык ласково, по-кошачьи, лизнул ей губы и проник в рот. Елизавету охватило смешанное чувство отвращения и желания. Желание оказалось сильнее. Ее язык ответил на настоящий, взрослый, дерзкий мужской поцелуй.

Елизавете вдруг стало страшно и неприятно. Она сжалась, однако Томас знал все фигуры этого танца. Она сама напросилась, и теперь танец желания захватывал каждую клеточку внутри ее. Он задрал подол парчового платья, его опытная рука скользнула по ее ляжке и дальше, под нижнюю юбку. Елизавета инстинктивно сжала ноги, защищаясь от его прикосновения. Сеймура это не остановило. Осторожно, одними костяшками пальцев, он провел по волосам ее лобка. И она растаяла, буквально растеклась под его пальцами. Наверное, она бы рухнула на землю, не окажись у нее на талии его сильной руки. В этот момент Томас Сеймур понял: ничто не мешает ему овладеть принцессой Елизаветой прямо под этим деревом, в саду королевы. Эта девчонка была девственницей лишь по названию. На самом же деле перед ним стояла вполне сложившаяся шлюха.

Легкий звук шагов заставил его обернуться, опустить платье Елизаветы, а ее — заслонить своей спиной. Каждый, увидевший бы сейчас принцессу, легко прочел бы у нее на лице нескрываемое и необузданное желание. Томас боялся, что к ним подошла королева, его жена, любовь которой он ежедневно предавал, соблазняя у нее под носом ее падчерицу и подопечную. Но королева Екатерина ничего этого не видела или предпочитала не видеть. Она настолько любила Томаса, что, даже сидя

у постели умирающего Генриха VIII, думала не о муже, а о Сеймуре.

К счастью, это была не королева. По дорожке шла другая девочка, младше Елизаветы и совершенно незнакомая. На вид ей было лет девять. От солнца ее защищала белая испанская шапочка, завязанная под подбородком. Из-под шапочки на Томаса и Елизавету глядели большие серьезные черные глаза. В руке девочка держала две книги, перевязанные особой лентой, какой пользовались книготорговцы. Казалось, этот ребенок понял все, что происходило между Елизаветой и Томасом, и смотрел на них с холодным интересом.

— Откуда ты взялась, прелестное дитя? — с ложной приветливостью спросил девочку Томас. — Я даже испугался. Подумал, ты фея. Только феи умеют появляться столь неожиданно.

Девочка наморщила лоб, слушая его быструю громкую речь, затем ответила медленно, с сильным испанским акцентом:

— Прошу прощения, сэра. Мой отец велел отнести эти книги сэру Томасу Сеймуру. Ваши люди сказали, что я найду вас в саду.

Девочка протянула ему книги. Томасу Сеймуру пришлось шагнуть вперед и забрать их у нее.

— А, так ты дочка книготорговца, — все тем же наигранно-веселым голосом сказал Томас. — Причем испанского книготорговца.

Девочка молча кивнула. Лицо ее не утратило серьезного, совсем не детского выражения.

— На что ты так внимательно смотришь, дитя мое? — спросил Томас, прекрасно понимая, что маленькая испанка заметила Елизавету, торопливо расправляющую платье.

— Я смотрела на вас, сэра, но увидела очень страшную вещь.

— И что же ты увидела?

На мгновение Сеймур со страхом подумал, что юная книгоноша увидела, как он лез под юбку к английской принцессе. Увидеть, как он ласкал рыжие волосы на лобке Елизаветы, — зрелище явно не для детских глаз.

— Я увидела позади вас плаху, — неожиданно сказала девочка.

Она повернулась и молча зашагала обратно, поскольку выполнила поручение отца и теперь ничто больше не держало ее в этом красивом, пронизанном солнцем саду.

Том Сеймур повернулся к Елизавете. Та пыталась пятерней расчесать взлохмаченные волосы. Ее пальцы все еще дрожали от желания. Она тут же вновь протянула руки к Сеймuru, требуя новой порции ласк.

— Ты слышала? — спросил он.

Ее глаза сузились до щелочек.

— Нет, — томно ответила Елизавета. — А разве этот странный ребенок что-то говорил?

— Всего-навсего то, что у меня за спиной она увидела плаху!

Томасу не хотелось показывать, как его напугали слова маленькой испанки.

Услышав про плаху, Елизавета мгновенно напряглась:

— Что? С чего эта девчонка заговорила про плаху?

— Поди узнай, — пожал он плечами. — Глупая маленькая ведьма. Она же иностранка. Перепутала слова. Наверное, хотела сказать: трон! Возможно, увидела меня сидящим на троне!

Шутка не возымела успеха, равно как и его попытка объяснить все плохим знанием языка. В представлениях Елизаветы, трон и плаха являлись близкими соседями. Ее желание погасло, а лицо пожелтело от страха.

— Кто она такая? — испуганно спросила Елизавета. — Кто ее подослал?

Томас Сеймур обернулся, ища глазами книгоношу, но аллея была пуста. А с другой стороны к ним медленно шла его жена, торжественно неся свой беременный живот.

— Ей — ни слова, — шепнул он Елизавете.

При первых же признаках опасности принцесса внутренне собралась. Она расправила платье и нацепила на лицо невинную улыбку. Елизавета знала: чтобы выжить, нужно играть роль. Томас всегда мог рассчитывать на ее двойственную натуру. Невзирая на свои четырнадцать лет, она уже прошла солидную школу обмана. Ей было всего два года, когда казнили ее мать. Так что учеба в этой школе продолжалась двенадцать лет. К тому же она была дочерью искусной лгуни. «Яблочко от яблони

недалеко падает», — с презрением подумал Сеймур. Возможно, она и испытывала плотские желания, но опасность и честолюбие будоражили ее сильнее, чем похоть. Томас взял Елизавету за руку и повел навстречу Екатерине.

— А я все-таки поймал ее! — крикнул он, кое-как придав лицу веселое выражение. Он вновь огляделся по сторонам. Маленькая испанка как сквозь землю провалилась. — Ну мы и побегали! — крикнул он жене.

Той маленькой испанкой была я. Тогда я впервые увидела принцессу Елизавету: потной от желания, ластящейся, как кошка, к чужому мужу. Потом я не раз видела ее, а вот что касается Томаса Сеймура — это была моя первая и последняя встреча с ним. Через год он взошел на плаху, обвиненный в государственной измене. Давая показания, Елизавета трижды от него отреклась, утверждая, что знакома с ним не ближе, чем со множеством других людей.

❧ ЗИМА 1552/53 ГОДА

— Я это помню! — взволнованно сказала я отцу, стоя на борту лодки, что везла нас вверх по Темзе. — Честное слово, помню! И эти сады, спускающиеся к реке, и великолепные здания. И еще помню день, когда ты послал меня к одному знатному английскому лорду. Я пошла и увидела его в саду с принцессой.

Путешествие утомило отца, но он все же нашел в себе силы улыбнуться мне.

— Доченька, неужели ты запомнила? — тихо спросил он. — То лето было для нас счастливым. Она говорила... — Отец замолчал.

Мы никогда не упоминали вслух имя моей матери. Даже когда были одни. Поначалу это делалось ради предосторожности, чтобы не попасть в руки тех, кто убил ее и охотился за нами. В дальнейшем мы не тревожили имя матери не только из страха перед инквизицией, но и чтобы не поднимать внутри себя волны горя. А горе умеет их насыщать.

— Мы будем здесь жить? — с надеждой спросила я, глядя на прекрасные дворцы, окруженные аккуратными лужайками.

После нескольких лет непрерывных скитаний я мечтала об оседлой жизни.

— Нет, девочка, — мягко возразил отец. — Эти дворцы для нас великоваты. Ханна, нам придется начать с малого. Пока что лишь небольшая лавка. А когда мы убедимся, что нам больше ничто не грозит, ты наконец сможешь вылезти из мальчишеской одежды и одеваться, как положено юной девушке. Ну а потом ты выйдешь замуж за Дэниела Карпентера.

— И мы перестанем скитаться? — совсем тихо спросила я.

Отец не торопился с ответом. Мы так долго прятались и бежали от инквизиции, что уже потеряли надежду когда-либо достичь безопасной гавани. Мы бежали в ту же ночь, когда церковный суд обвинил мою мать в ложном принятии христианства, навесив на нее ярлык «маррано»¹. А когда ее передали мирскому суду и тот приговорил мать к сожжению у позорного столба, мы были уже далеко. Мы бежали от нее, словно двое иуд искариотов, думая только о спасении собственных шкур. Правда, впоследствии отец со слезами на глазах не раз повторял мне, что мы все равно не смогли бы ее спасти. Останься мы в Арагоне, инквизиторы пришли бы и за нами, тогда вместо одной погибшей было бы трое. Бывало, я сердилась на отца, кричала на него, говорила, что лучше бы мне умереть, чем жить без матери... И он очень медленно, печальным голосом говорил мне:

— Когда-нибудь ты поймешь. Жизнь — это самое драгоценное, что есть у человека. Твоя мать с радостью отдала бы свою жизнь ради спасения твоей. Это ты тоже поймешь.

Вначале нас с отцом тайно переправили в Португалию. Контрабандисты оказались сущими разбойниками. Они вытряхнули из отца все деньги, какие у нас были. Книги и рукописи они оставили лишь потому, что эти вещи не имели для них никакой ценности. Дальше нас ожидало плавание в Бордо. Мы ютились на палубе, под непрекращающимся дождем и холодным ветром. Я боялась, что мы умрем от холода или во время сна шальная волна смоеет нас за борт. Самые ценные книги мы привязали к себе, словно младенцев, чтобы сохранить их в тепле и уберечь от губительной морской воды. Затем мы отправились в Париж. Всю дорогу мы играли роли тех, к кому не имели никакого отношения: купца с мальчишкой-помощником; паломников, направляющихся в Шартр; странствующих торговцев; мелкопоместного дворянина, путешествующего ради собственного удовольствия со своим слугой; ученика и его наставника,

¹ *Марраны* — так христианское население Испании и Португалии называло евреев, принявших христианство, и их потомков, независимо от степени добровольности обращения (конец XIV–XV в.). — *Здесь и далее примеч. перев.*

идущих в Парижский университет. Словом, кого угодно, только не самих себя — новообращенных христиан, от чьих одежд все еще пахло дымом аутодафе и чьи сны еще были полны ужаса.

В Париже мы встретились с родственниками моей матери, и они отправили нас к своей амстердамской родне, а те — в Лондон. Нам не оставалось иного, как спрятать свою истинную национальность под небесами Англии и стать жителями Лондона. Мы должны были сделаться протестантами и научиться любить эту ветвь христианства. Во всяком случае, я точно должна была предпочесть протестантизм католицизму.

Наши родственники, чьих имен я не могу назвать и чья вера сохранялась в глубочайшей тайне, люди, обреченные на вечные скитания и подвергающиеся гонениям в любой христианской стране, тем не менее обустривались и процветали в Лондоне, Париже и Амстердаме. Мы жили, как христиане, соблюдая все законы Церкви, все праздники. Мы соблюдали предписанные Церковью обряды и постились. Многие из нас, как моя мать, имели двойную веру, причем совершенно искреннюю. Мы тайно соблюдали субботу, стремясь накануне наготовить достаточно пищи и сделать всю работу по дому, чтобы почувствовать святость субботнего дня. Мы шептали полузабытые еврейские молитвы, а на следующий день с чистой совестью шли к христианской мессе. Мать помнила наизусть немало отрывков из Библии и Торы и всегда объединяла их, уча меня обоим религиям сразу. С ранних лет она предупреждала меня: наши родственные связи и наша иудейская религия — это тайна, причем глубокая и опасная. Везде и всюду нам следовало быть очень осторожными и осмотрительными: в церквях, которые мы столь щедро одаривали, с друзьями, священниками, монахами и учителями. Казалось бы, мы рождались с осторожностью в крови, участь до конца не доверять никому. И тем не менее инквизиция хватала многих из нас, словно глупых цыплят, которым даже незачем резать глотки. Свернуть шею — и дело с концом.

Кому-то, как нам с отцом, удавалось скрыться, чтобы потом вынырнуть в каком-нибудь крупном европейском городе. Близкая, а зачастую дальняя родня и верные друзья помогали

беглецам, давая им пристанище и помогая встать на ноги на новом месте. Нас с отцом родня снабдила рекомендательными письмами к семейству Дизраэли, ставшему в Англии Карпентерами. Меня обручили с их сыном Дэниелом, отцу ссудили денег на покупку печатного станка и помогли устроить типографию. Она находилась на Флит-стрит. Станок поставили на первом этаже, а на втором поселились мы с отцом.

Я осваивалась в совершенно чужом, новом городе, даже отдаленно не напоминавшем испанские города. Отец с головой ушел в работу, полный решимости подняться и обеспечить мне достойную жизнь. Книги и брошюры, которые он стал печатать, пользовались большим спросом, особенно евангельские тексты. Оригиналы отец привез спрятанными в пояс своих панталон и теперь переводил их на английский язык. Одновременно он скупал книги и рукописи, некогда принадлежавшие библиотекам семинарий и монастырей, разрушенных королем Генрихом, который правил прежде нынешнего молодого короля Эдуарда. Мудрость былых веков объявили папистской чепухой. Книгами и рукописями, когда-то стоившими громадных денег, теперь торговали на каждом углу, продавая на вес. Для библиофилов и собирателей редкостей наступили поистине золотые деньки. Отец ежедневно отправлялся на книжную охоту и обязательно возвращался с каким-нибудь трофеем. Он упрощал язык, убирая схоластические обороты, добавлял свои комментарии, составлял указатель и печатал новую брошюру, которая мгновенно раскупалась. В Лондоне ощущался сильный духовный голод, и Слово Божье хотел читать каждый, кто умел читать. Поздними вечерами, а то и ночами, невзирая на усталость, отец печатал сокращенные версии евангельских текстов. Он набирал простые тексты, понятные любому бедняку, где вместо туманной латыни был четкий и ясный английский язык. Страна желала постигать Бога, но без посредничества священников. Впервые я радовалась, что мы оказались в стране, где духовенство не играло главенствующей роли.

Как я уже сказала, отцовские брошюры продавались дешево, чуть выше стоимости бумаги и типографской краски. Каза-

лось, отец совсем забыл о желании обеспечить мне достойную жизнь. Сейчас он думал только о широком распространении Слова Божьего, поскольку нынче мы были убежденными протестантами. Настолько убежденными, что едва ли смогли стать убежденнее, даже если бы от этого зависела наша жизнь.

Впрочем, наша жизнь действительно от этого зависела.

Я делала все, что требовалось отцу. Читала корректуру, помогала с переводами, орудовала острой иглой, сшивая переплеты. Я освоила набор и научилась читать тексты справа налево, поэтому читала многие из отцовских брошюр, прежде чем они появлялись на бумаге. Если я не была занята в типографии, то стояла у ее дверей и приглашала прохожих зайти и посмотреть книги. Я по-прежнему носила мальчишескую одежду. Все деньги отец тратил на дело, и мне приходилось донашивать то, в чем я приехала в Лондон. Меня и впрямь можно было принять за мальчишку: панталоны оканчивались теперь на лодыжках, а дальше, до стоптанных башмаков, торчали голые ноги. Старую шапку я носила набекрень. Чего мне по-настоящему не хватало в Лондоне, так это яркого солнца. Бывало, я позволяла себе просто стоять, подпирая стенку, и ловить жидкое лондонское солнце. Справа от меня тоже был книжный магазин, но поменьше нашего, и книжки там печатали и продавали совсем другого содержания. Слева от меня находилась еще одна типография, снабжавшая уличных торговцев любовными стихами и балладами. За ним помещалась мастерская художника-миниатюриста, делавшего еще и очень красивые игрушки. С ним соседствовал портретист. Все, кто жил и работал на Флит-стрит, так или иначе имели дело с бумагой, чернилами, типографской краской или масляными красками. Отец говорил, что я должна быть благодарна судьбе за то, что род моих занятий позволяет не огрубеть рукам. Должна, но никакой особой благодарности я не ощущала.

Флит-стрит была узкой и более убогой, чем улица, на которой мы временно жили в Париже. Дома стояли впритык: приземистые и обшарпанные. Вихляя, словно подгулявший ремесленник, улица спускалась к реке. Вторые этажи нависали над первыми, загораживая солнце. Отдельные лучи все же находили

щели и ложились на осыпающуюся штукатурку стен, напоминая косые шрамы. Добавлю, что пахло на Флит-стрит почти как в хлеву. По утрам окна верхних этажей открывались, и заспанные женщины вытряхивали и выливали вниз содержимое ночных горшков и лоханок для умывания. Все это, жидкое и вязкое, попадало в сточную канаву и медленно, с характерным бульканьем текло в другую сточную канаву, которая называлась Темзой. Дожди были нашим спасением, но они же делали мостовую скользкой и повышали риск упасть в дерьмо.

Я хотела жить не на вонючей Флит-стрит, а в таком доме, как у принцессы Елизаветы, с садом, полным красивых цветов и деревьев. Там и Темза куда чище, и красивый вид с берега. Мне надоел беспросветный труд в типографии. Я хотела заняться чем-то другим. Хотела скинуть опостылевшую мальчишескую одежду и нарядиться в девичье платье. Меня вовсе не устраивала помолвка с парнем, которого я видела лишь однажды, да и то мельком.

Эти мысли бродили у меня в голове, когда я грелась на лондонском солнышке, словно угрюмая испанская кошка. И вдруг я услышала звон шпор по камням мостовой. Я подняла голову, да так и застыла, разинув рот. Передо мной стоял молодой человек. Богато одетый, на голове — высокая шляпа, на плечах — развевающийся плащ. У пояса висел меч в серебряных ножнах. Таких обаятельных молодых людей я видела впервые.

Я глазела на него, как на ангела, опустившегося с небес. Но у него за спиной стоял еще один богато одетый человек.

Тот был постарше, лет около тридцати, с бледной кожей, которая встречается у тех, кто много сидит при свечах, занимаясь науками. Глаза у него были темными, глубоко посаженными. Подобных людей я уже видела. Один такой заходил в магазин отца, когда мы жили в Арагоне. Похожего человека я видела и в Париже. Должно быть, новый лондонский заказчик. Явно человек ученый. Это я поняла по склоненной шее и ссутулившимся плечам. Он привык иметь дело с пером и бумагой. На среднем пальце правой руки темнело въевшееся чернильное пятно. Нет, он был не просто грамотный человек, привыкший много писать. Наверное, мыслитель, человек, стремивший-

ся отыскать скрытый смысл вещей. Он был опасным человеком, не боявшимся ересей, не страшившимся вопросов, всегда желающий знать больше. Словом, он показался мне тем, кто ищет истину, скрытую за истиной.

На этого человека был похож один священник-иезуит. Он заходил в арагонский магазин отца и умолял достать ему какие-то очень древние рукописи. Древнее Библии. Древнее даже, чем Слово Божье. На этого человека был похож и еврейский талмудист. Тот тоже приходил к отцу, но просил другие книги, запретные, остатки Торы — еврейского Закона. Иезуит и талмудист приходили к отцу часто, покупали книги и рукописи, а потом вдруг перестали приходить. В нашем мире идеи опаснее обоюдоострого меча; половина их запретна, а другая заставит человека разувериться в том, что Земля — центр Вселенной.

Я настолько увлеклась разглядыванием богоподобного юноши и его старшего друга, похожего на священника, что не сразу заметила третьего. Этот был одет во все белое и сиял, будто серебряный кубок, покрытый эмалью. Солнце мешало мне как следует его рассмотреть. Я старалась увидеть черты его лица, однако видела лишь серебристый блеск. Я прищурилась, но и это не помогло... Затем меня словно расколдовали, и я сообразила: кем бы ни были эти знатные господа, они все смотрели на дверь соседнего магазина.

Ничего удивительного: ну кто посмотрит на нашу покосившуюся, закопченную дверь? Она была приоткрыта. Отец, нагнувшись над лоханью, перемешивал свежую типографскую краску и, к счастью, не видел моей оплошности. Проклиная себя как последнюю дуру, я вышла вперед и, тщательно выговаривая каждое слово, сказала:

— Здравствуйте, досточтимые господа. Вы позволите вам помочь? Мы располагаем лучшей в Лондоне коллекцией занимательного и душеполезного чтения. Наши цены поразят вас своей скромностью. Многие книги имеют превосходные иллюстрации, выполненные талантливыми художниками. Эти картинки добавляют очарования нашим...

— Я ищу типографию и магазин Оливера Грина, — сказал молодой человек.

Он сверкнул глазами на меня. Я застыла как вкопанная, будто все лондонские часы разом остановились и их маятники перестали качаться. Мне хотелось навсегда удержать это мгновение, а вместе с ним — и облик юного незнакомца. Его красный дублет удивительно блестел на зимнем солнце. Если бы он взглянул на меня и увидел во мне не мальчишку-сорванца с грязной физиономией, а девочку, почти девушку! Увы! Его глаза равнодушно проехали по мне и остановились на двери нашей типографии. Наконец я очухалась и распахнула дверь, впус- тив всех троих внутрь.

— Прошу, досточтимые лорды! Это и есть магазин учено- го и книгопечатника Оливера Грина. — Затем я крикнула в су- мрак типографии: — Отец! К тебе трое знатных лордов!

По полу закрипел высокий табурет, на каких работают печатники. Отец прыгнул и заторопился навстречу посетителям, вытирая фартуком руки. От него пахло типографской краской и разогретой бумагой.

— Добро пожаловать, уважаемые господа. Приветствую вас в моем скромном магазине.

Отец, как всегда, был в черном. Мне вдруг стало неловко за манжеты его рубашки, запачканные пятнами краски. Хорошо, что черный цвет ткани их скрывал. Я взглянула на отца глазами наших важных посетителей и увидела человека лет пятидесяти, с густыми волосами, когда-то черными, а после нашего бегства — совсем седыми. Его лицо покрывали морщины. Если бы не согбенные плечи, он был бы выше ростом.

Он кивнул мне. Я поспешно вытащила из-под прилавка три кособоких стула, однако важные посетители садиться не поже- лали. Они остались стоять, оглядываясь по сторонам.

— Чем могу служить? — спросил отец.

Я вдруг увидела, что он вовсе не рад приходу таких важных персон. Наоборот, отец испугался. Он испугался всех троих: обаятельного молодого человека, господина в черном и их спутника, сияющего ослепительной белизной.

— Мы ищем Оливера Грина, книготорговца, — повторил юный лорд.

— Оливер Грин перед вами, — сказал отец, слегка поклонившись. Он волновался, отчего его испанский акцент был осо-

бенно заметен. — Я готов сделать для вас все, что в моих силах. Любым способом, сообразующимся с законами и традициями страны...

— Да-да, — с непонятной мне резкостью сказал молодой человек. — Мы слышали, что вы, Оливер Грин, недавно прибыли из Испании.

Отец снова кивнул:

— Я и в самом деле сравнительно недавно прибыл в Англию, но Испанию мы покинули три года назад.

— Вы англичанин?

— Теперь англичанин, если вам угодно, — с осторожностью ответил отец.

— А ваша фамилия? Это настоящая английская фамилия?

— Прежде я звался Верде, — сказал отец, кисло улыбаясь. — Но англичанам легче и привычнее произносить Грин.

— Вы ведь христианин? Издатель книг по христианской теологии и философии?

Отец тяжело проглотил ком слюны. Можно было подумать, что его спросили о чем-то опасном.

— Да, сэр. Естественно, я христианин.

— Реформированный или придерживающийся старой традиции? — совсем тихо спросил молодой человек.

Мой отец не понимал, какой именно ответ они хотят услышать. Естественно, он не знал и о том, чем чреват его ответ. В Испании, да и не только там, ответ мог отправить отвечающего на костер, плаху, виселицу и так далее. Неужели англичане в правление молодого короля Эдуарда уподобились католикам и решили извести у себя ересь и еретиков?

— Реформированный, — ответил явно оробевший отец. — Правда, крещен я был еще в старой традиции. Но это было в Испании, а в Англии я следую законам реформированной Английской церкви... Благодарение Господу за эти реформы. Я верный служитель короля Эдуарда и хочу всего лишь заниматься изданиями книг, подчиняясь королевским законам и молясь в его церкви.

Отец вспотел, что бывало с ним довольно редко. Мои ноздри уловили пронзительный запах пота. Едкий, как дым. Это был запах страха.

Я подошла к отцу и провела тыльной стороной ладони по своей щеке, словно отирая сажу с лица. Моего рта не было видно.

— Не волнуйся. Им нужны наши книги, а не мы, — тихо шепнула я по-испански.

Отец кивнул. Но мой шепот услышал и молодой человек и насторожился:

— Что сказал ваш мальчик?

— Я сказал, что вы трое — ученые, — солгала я по-английски.

— Иди внутрь, *querida*¹, — быстро сказал мне отец. — Простите ребенка, досточтимые лорды. Жена у меня умерла три года назад. Это подействовало на мальчика, и он... Думаю, вы понимаете. Закрывает дверь за посетителями, и на том спасибо.

— Ребенок говорит только правду, — учтиво возразил человек в черном. — Мы пришли вовсе не для того, чтобы причинять вам неприятности. Вам незачем бояться нас. Мы желаем лишь посмотреть ваши книги. Я ученый, а не инквизитор. Мне действительно хотелось всего-навсего взглянуть на вашу библиотеку.

Я не ушла внутрь, а приклеилась к дверному косяку.

— Ну почему ты сказал «трое»? — спросил человек в черном.

Отец щелкнул пальцами, выгоняя меня из типографии, однако молодой лорд произнес:

— Погодите. Пусть мальчик ответит. Это ему не повредит. Нас всего двое. Понимаешь, мальчик? Двое. А ты скольких видишь?

Я посмотрел на молодого человека, затем на его друга. И в самом деле, их было только двое. Третий, лучезарный, словно солнце, исчез, будто никогда и не появлялся.

— Сэр, я точно видел третьего человека у вас за спиной, — сказала я тому, кто постарше. — Он был там, на улице. А здесь его нет.

— Она хотя и блаженная, но девочка добрая, — пояснил отец, отчаянно выпроваживая меня из помещения.

¹ Дорогая (*исп.*).

— Пойдите! — запротестовал молодой человек. — Походите. Я думал, это мальчик. Значит, у вас не сын, а дочь? Но почему вы тогда одеваете ее, как мальчика?

— И кто же был третьим? — спросил человек в черном?

Поток вопросов всерьез насторожил моего отца.

— Досточтимые лорды, позвольте ей уйти, — взмолился он. — Она всего лишь обыкновенная девочка. Даже еще не девушка. Слабый ум. Смерть матери на нее очень сильно подействовала. Позвольте, я лучше покажу вам свои книги. У меня есть и манускрипты, которые могли бы вас заинтересовать. Их я тоже с удовольствием вам покажу...

— Я не прочь на них взглянуть, — сказал человек постарше. — Но вначале я хочу поговорить с вашей дочерью. Вы позволите?

Отец уступил, не смея отказывать столь важным посетителям. Человек в черном взял меня за руку и повел на середину типографского помещения. Туда падали лучи солнца из окна, освещая мое лицо. Человек осторожно коснулся моего подбородка, повернув лицо сначала в одну, затем в другую сторону.

— Каким ты видела третьего? — тихо спросил он меня.

— Весь в белом, — едва шевеля губами, ответила я. — И светился.

— Во что он был одет?

— Я видела лишь белый плащ.

— А что у него было на голове?

— Белизна. Сверкающая белизна. Больше я ничего не видела.

— Что можешь сказать о его лице?

— Свет мешал мне рассмотреть его лицо.

— Дитя, как ты думаешь, у него было имя?

Имени я не знала, но, как только человек в черном спросил, имя само сорвалось с моих губ.

— Уриель.

Его рука под моим подбородком замерла. Человек в черном глядел на меня так, словно я была одной из отцовских книг и он сейчас меня читал.

— Значит, Уриель?

— Да, сэ.

— Ты раньше слышала это имя?

— Нет, сэ.

— А ты знаешь, кто такой Уриель?

Я покачала головой:

— Я подумала, что так зовут человека, который был с вами. Но раньше этого имени я никогда не слышала. Честное слово.

— Итак, вы утверждаете, что ваша дочь блаженная? Как понимать ваши слова? — спросил молодой человек. — Ими вы хотели скрыть ее ясновидение?

— Она говорит, что в голову взбредет, — упрямо твердил отец. — Детская болтовня. Такой вот недостаток. А так девочка хорошая. Она у меня каждый день в церковь ходит. Поверьте, она никого не хотела обидеть. Просто язык без костей. Наказывать ее бесполезно. Говорю вам, дурочка.

— Но почему вы одеваете ее, как мальчика? — опять спросил молодой человек.

Мой отец беспомощно пожал плечами:

— Досточтимые лорды, времена нынче непростые. Я вез дочь из Испании во Францию, оттуда в Нидерланды. Наконец мы очутились в Англии. А девочке нужна мать, чтобы посоветовала и подсказала. Мне было бы проще с сыном, но Господь послал мне дочь. Она путешествовала в этой одежде. Ну и... пока все остается так, как есть. Когда она оформится в женщину, я, конечно же, позволю ей носить платья. А сейчас... С мальчиком мне легче. Она и все мои поручения выполняет, как мальчик.

— У вашей дочери дар ясновидения, — выдохнул человек в черном. — Нам есть за что благодарить Господа. Я шел сюда взглянуть на древние манускрипты, а неожиданно встретил девочку, которая видит Уриеля и знает его святое имя. — Он повернулся к моему отцу. — Есть ли у нее священные знания? Она читала что-нибудь, помимо Библии и катехизиса? Она читала ваши книги?

— Клянусь вам Богом, нет! — сказал отец, произнося ложь убедительным тоном. — Клянусь вам, досточтимый лорд, я не забиваю ей голову ученостью! Она ничего не знает. Честное слово, ничего!

 ОГЛАВЛЕНИЕ

Лето 1548 года	7
Зима 1552/53 года	13
Весна 1553 года	73
Лето 1553 года	93
Осень 1553 года	144
Зима 1553 года	160
Зима 1554 года	222
Весна 1554 года	267
Лето 1554 года	292
Осень 1554 года	324
Зима 1554/55 года	332
Весна 1555 года	337
Весна — лето 1555 года	356
Осень 1555 года	406
Зима 1555 года	419
Весна 1556 года	421
Лето 1556 года	457
Осень 1556 года	486
Зима 1556/57 года	495
Весна 1557 года	496
Лето 1557 года	505
Зима 1557/58 года	510
Весна 1558 года	571
Лето 1558 года	580
Осень 1558 года	604
Зима 1558 года	614
От автора	637

Литературно-художественное издание

ФИЛИППА ГРЕГОРИ

РАССМЕШИТЬ КОРОЛЕВУ
РОМАН О МАРИИ И ЕЛИЗАВЕТЕ ТЮДОР

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Дмитрий Капитонов, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.04.2021. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 33,6. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-GMH-28095-01-R